А.М. Жерняков

КОНСТИТУТИВНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ДЕМОКРАТИИ

Укрепление гегемонии демократической модели общественного устройства уже не вызывает прежнего оптимизма и усиливает разочарование, вызванное ее опытом. Причиной этого стала очевидность конститутивного противоречия и двусмысленность, на которой основана современная демократия. Как индивидуалисты, так и коллективисты раздражены двусмысленностью одновременной дифференциации и «гармонизации» личности и общества в демократической теории и практике, продолжая верить в возможность ее решения и отвергая ее институализацию. Однако нельзя не признать, что демократия неизбежно связана со стремлением соединить явные противоречия: правление закона с представительством особых интересов, гарантирующее уважение к свободе отдельного человека и, одновременно, организацию общества в соответствии с представлением большинства о справедливости[1]. Многим хотелось бы решить это противоречие, превратив ситуативный и непредсказуемый, лишенный объединяющего начала, демократический «хаос» в гармонию, но тогда демократия лишится своих главных особенностей, поскольку изначально предполагает признание дисгармонии как поле политической деятельности. Еще А. де Токвиль заметил, что демократия представляет собой особую форму общества, при которой на передний план выходит главное противоречие, возникающее, когда социальный порядок лишается основания, утратив возможность опираться на богословско-политическую концепцию государя. Уход в результате демократической революции олицетворяющего власть государя, приводит к тому, что «место власти становится пустым местом»[2]. Но, хотя сам институциональный аппарат демократии препятствует установлению безусловной связи отдельной политической силы или личности с единством и властью, изначально институционализируя политический антагонизм, разрушение демократией органического единства традиционного общества отнюдь не означает абсолютную утрату возможности общественного единения, поскольку открывает различным социальным силам путь политической борьбы за гегемонию. Тем самым единство непосредственно связывается с политическим соперничеством и строится на

[1] *Touarine A.* Democracy. Thesis Eleven, 38, 1994. P. 2–5.
[2] *Лефор К.* Политические очерки XIX–XX в. М., 2000. С. 26.

основе признания разделения. Именно распад прежних безусловных ориентиров, признание разделения и антагонизма, став качественной особенностью демократии, послужило источником ее двусмысленности: «Демократия устанавливается и поддерживается в условиях разложения черт достоверности. Она положила начало истории, в которой люди испытывают конечную недетерминированность… на всех уровнях социальной жизни (повсюду, где деление, особенно деление между держателями власти и теми, кто им подчинен, прежде определялось в зависимости от веры в природу вещей или в сверхъестественный принцип)»[1]. Данное обстоятельство и определяет методологическое направление исследования конститутивных противоречий демократии.

Помня факт значительной исторической и культурной вариативности форм социального единства, общественного устройства и систем ценностей, было бы большим упрощением считать, что демократия является лишь формой институционализированных механизмов, применяемых в конкретном обществе для решения его актуальных задач. Суть в том, что современная демократия была создана после того, как произошло осознание отсутствия единства, утраты положительного ориентира, основанного на очевидном для всех идеале, служащим объединяющим началом общества и основанием легитимации власти. Таков закономерный итог процесса становления гражданского общества, утверждения принципа «laissez-faire» и развития буржуазных отношений. Образование социальной дислокации на открывшемся политическом поле и взрастило демократию. Двусмысленность и разделение, дислокация социального единства предшествуют демократии, которая является лишь новым способом нахождения единства и согласия, одновременно признавая неизбежность дисгармонии, конечную несводимость различных сил к одному вектору, а потому практически бесконечность такого поиска. Неудивительно, что сегодня понятие «демократия» обросло таким количеством предикатов, что нередко в результате анализа очередной версии путем «философской редукции» исходный смысл и значение народовластия оказываются утраченными. Впрочем, проблематичным является не только это понятие, но и пересекающиеся с ним понятия свободы и гражданского общества. Между тем, отражая сложность общественных процессов и идеологических баталий, у одних мыслителей такая ситуация вызывает исследовательский зуд, а у других – крайний скепсис относительно самой возможности демократии.

Демократия постоянно находится между двумя угрожающими полюсами: с одной стороны, ей противостоит авторитаризм и тоталита-

[1] *Лефор К.* Политические очерки XIX–XX в. С. 26.

ризм, универсализирующий общество в стремлении достичь органического социального единства и неоспоримости власти, а с другой – партикуляризм, выступающий против всяких объединительных тенденций, отстаивая принципиальную невозможность преодолеть конфликт интересов. Обе стороны отвергают демократию, но по прямо противоположным причинам: тоталитаризм из-за того, что она, разрушая социальное единство, ведет к хаосу и аномии, а партикуляризм из-за того, что она пытается образовать социальное единство, ведущее к гомогенности общества и тоталитаризму. Однако хотя эти тенденции, неизменно присутствуя в современном обществе, образуют непреодолимую двусмысленность демократии, именно демократия является наилучшим способом их опосредования через признание множества различных социальных логик и необходимость их сочетания.

В самом основании современного общества лежит непреодолимый разрыв между полюсом универсализма, как потребностью в силе, действующей от имени всего общества, и партикуляризмом всех социальных сил. Демократия не является причиной этого разрыва, поскольку он предшествует ей и, будучи политически институционализирован, определяет ее возможность и ее конститутивные противоречия. Иначе говоря, демократия является атрибутом, функциональной формой «явления политического»[1], но, будучи юридически закреплена, становится самой возможностью этого явления. Действительно, демократия выступает не как цель в себе, а как способ и средство воздействия гражданского общества на государство, которое, в рамках полученных полномочий, в свою очередь, упорядочивает социальные процессы и оберегает структуру общества (противостояние здесь одновременно сопрягается с взаимозависимостью).

Понятия демократии и гражданского общества неразрывны, поскольку демократия возможна лишь в условиях устойчивого гражданского общества, способного использовать ее в качестве инструмента обновления государства.

Проблемой современного демократического общества является то, что его элементы индивидуализированы и разрозненны, сакральное место, вокруг которого они когда-то были собраны, опустело в ходе секуляризации и революций. Равенство, статистически-эгалитарный принцип не может занять это место. Однако хотя многие исследователи справедливо отмечают, что сама эпоха современности основана на исчезновении единого и на устранении всех утопичетских принципов, используемых для определения гармонического

[1] *Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1.

единства, это не означает, что современность лишена утопизма, эсхатологии и даже своеобразной религии. Всякое общество создает свою мифологию и своих идолов, подтверждая тот факт, что даже в эпоху ценностного релятивизма и политического плюрализма система ценностей все-таки образует свою иерархию, отражая новые условия свободы и равенства.

Давно замечено, что демократия, пытающаяся реализовать свои главные идеалы – свободу, равенство и братство – предъявляет к человеческой природе требования, которые трудно выполнить даже в периоды мира и благоденствия. Действительно, реальности жизни требуют демократии, учитывающей несовершенство человеческой природы и обладающей здоровым мировоззренческим скептицизмом, то есть демократии реалистичной. Но такая демократия, в рамках которой граждане принимали бы этику и политику с готовностью преодолевать трудности, потребовала бы от своих граждан совсем иное, чем требует от них современная массовая культура гедонизма и консъюмеризма, а именно – самоограничения и дисциплины. Казалось, что, добившись свободы, человек взвалил на себя и ответственность не только за свою судьбу, но и за судьбу этого мира. Однако сложность человеческой натуры определила и многоликость свободы. По-прежнему оставаясь абстрактным идеалом, свобода в попытке своего воплощения в реальной жизни всякий раз обнаруживает неуловимость, становясь проблематичной политической категорией. По-прежнему требуется анализ условий свободы, анализ сегодняшнего содержания понятий «позитивной» и «негативной» свободы, уточнение их допустимых границ и политических форм реализации. Лишь такой анализ может обеспечить плодотворность институтов демократии.